

У ЧЕРНЫХ КАМНЕЙ ПОДЛЕМОРЬЯ

Рассказы

ЗВЕЗДЫ ПОДЛЕМОРЬЯ

Ночь была светлая, но не потому, что ярко сияла луна (ее-то как раз не было), скорее, потому, что в небе зажглось множество звезд. Они в подлесье крупные, искряно-белые, низко зависающие над землей. Иной раз мнилось, что до них можно дотянуться рукой, коль скоро удастся подняться на вершину скалы. Но Иваныч уже не предпринимал такой попытки. Годы не те... Вот если бы этак лет десять назад — тогда другое дело. Тогда он ощущал в себе крепость и жизненную стойкость, они помогли ему не в одном предприятии. Впрочем, правду сказать, он давно понял: на какую бы высоту ни поднялся, все одно до звезд не дотянешься. Они как бы насмеялись над ним: чем выше он вскарабкивался по скалистой зверьей тропе, тем больше они отдалялись от него. Однако это ничего не меняло в нем, разве что на какое-то время он оставлял попытки дотянуться до звезд. Но когда на сердце опять делалось беспокойно, снова предпринимал их.

Нет, не то чтобы Иваныч не знал про немислимую отдаленность звезд от земли, просто хотел оказаться ближе к ним, откуда легче было бы сосчитать их. Это стремление иной раз так сильно мучило, что он терял покой, превращался во что-то болезненное, отмеченное непостоянством, когда и сам не знал, отчего вдруг затмила досада и подвела к неожиданной обиде, хотя бы и на соседей, мирных и незлобивых людей. Да, он мог и им, влекомый нечаянно вспыхнувшей досадой, сказать что-то дерзкое. Соседи молча сносили обиды и старались поскорее забыть их. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Однажды я сказал об этом Иванычу. Он долго смотрел на меня дивно синими глазами, морща высокий лоб с глубокими залысинами, неровно загорелый, с белыми конопатинами, вздохнул:

— Ты, пожалуй, прав. Но что я могу поделать с собой? Уж такой я есть. И батька у меня, сказывают, был такой. И дед...

Иваныч жил рядом со мной в большом четырехквартирном доме, ставленном в начале двадцатого века, занимал в нем комнату с кухонькой... Жил один: жена надорвала жилочки на колхозной работе и умерла, а единственный сын, повзрослев, подался в город. Сердобольные соседи не однажды пытались женить Иваныча, но из этого ничего не вышло: он с вниманием и, вроде бы, доброжелательно выслушивал сватов, но поступал по-своему, приходил к молодухе, обещанной ему, и уговаривал не соглашаться со сватами, дескать, не слушай их, сладкоголосых, мало ли о чем наболтают, а я совсем не такой, и руки у меня растут не с того места.

Это верно, про руки-то... Иваныч к домашней работе не испытывал уважения: не умел путем сложить даже поленицу дров — стояла недолго, рассыпалась, когда упали с гольца холодные ветры. И в чем другом Иваныч не преуспел. К примеру, так и не научился ладить табуреты, хотя покойница-жена не однажды показывала, как их делать. Он слушал ее, но тут же и забывал, привычно думая про то, что нынче ночью будет пасмурно, и ему не удастся поглядеть на звезды, а не то что начать их отсчет. Для чего это ему было надо? Он и сам не знал, просто с малолетства тянулся к звездам, дивясь им и радуясь, коль скоро иная из них падала, искряно-белая и лучистая, едва ли не к его ногам. А он и в ту пору чаще всего стоял на том же перевале, куда годы спустя зачастил, и жгучая радость отмечалась в лице, как если бы видел впереди лет, отпущенных ему на земле, торжество вселенского духа.

Он и впрямь иной раз так думал. Впрочем, скрытно даже от ближних, опасаясь, как бы не подняли на смех. Было ж однажды... Пристал к нему некто, приехавший из города помочь местным управленцам собрать с рыбацкого люда налоги:

— Ты чего на перевал-то каждую ночь бегаешь? Чего там потерял? Может статься, Бога?

— А ничего такого, — ответил хмуро. — Иль запретно глядеть на звезды?

— Ты про это у попа спроси, не у меня.

А потом заговорил про то, что нечего без толку глазеть на звезды и тем смущать людей.

— Больно ты понимаешь, — с прежней дерзостью сказал юный Иваныч и повернулся к уполномоченному спиной, несмотря на знаки, которые делал корявыми черными руками старший артельный. — Ишь, звезды ему не глянутся. Тьфу!

Иванычу никто ни разу не помешал подняться на каменистый перевал, а потом сесть на землю, подложив под себя старенький, стертый до дыр потничек, и, чуть откинув назад большую седую голову, смотреть в небо.

В прежнее время он и впрямь норовил посчитать звезды, но, постарев, отказался от этой затеи. Уж больно много звезд в небе. С иными и вовсе сладу нет. Вот, казалось бы, совсем недавно были в середине круга, а теперь они, большие и яркие, переместились вправо. Следом потянулись другие, поменьше...

Немало времени прошло, прежде чем Иваныч научился мысленно разбивать небо на квадраты. Стало легче вести подсчет звезд. Иной раз удавалось добраться до солидной цифры. Но все равно учесть количество звезд он оказался не в состоянии. Тогда и запечалился, стал сторониться людей, с которыми и прежде не шибко-то общался, предпочитая одиночество.

Я это видел и старался не мешать Иванычу. Но не всегда получалось. Иной раз по надобности, а порой просто так, от нечего делать, я вторгался в одиночество Иваныча. Заходил в его комнату и говорил с легкой усмешкой:

— Ты чего, старый хрыч, прячешься от людей? Иль со звездами что-то неладно? Хуже светят, иль опять появилась промеж них та, от которой на сердце осталась заруба?

Про ту звезду я не случайно спросил. Года три назад в самую макушку лета Иваныч после ночи, проведенной на перевале, пришел как в воду опущенный, разом одряхлевший, едва передвигающий ноги.

— Что случилось? — с тревогой, неведь почему зажегшейся во мне, а скорее, передавшейся от соседа, спросил я.

— А ничего... — вяло сказал Иваныч, заходя в избу и оставляя дверь распахнутой. Чем я и не преминул воспользоваться, а потом сел за черный круглый стол, стоящий посреди комнаты, оклеенной зелеными, под цвет рослой травы под окошком, обоями.

Иваныч сел рядом со мной и беззвучно зашевелил потрескавшимися губами. Посмотрел куда-то поверх моей головы. Я проследил за ним и понял, что он посмотрел в окошко на синее, почти синюшное, без единого облачка, небо. И, хотя в нем, просторном и глубоком, вроде бы ничего не было, Иваныч разглядел что-то, поразившее его воображение.

— Что же?..

Спросил ли я, нет ли — не знаю; Иваныч наконец увидел меня и удивленно спросил:

— Ты почему тут?..

Я пожал плечами. Не ответил. А ему и не надо этого. Он, как нередко случалось, заговорил взахлеб, проглатывая окончания слов, но надежно управляясь с ухваченной им мыслью:

— Сидел на перевале, глядел в небо, дивясь звездам, зависшим над землей. Мнилось: вижу промеж них летающих птиц. Они, должно быть, сбились с торки. Но в какой-то момент понял: это не просто небесные птицы, а те, в кого превратились умершие люди. Только подумал так, в ночном небе сделалось пуще прежнего ясно. Я и в себе ощутил перемену. Вроде бы как обрел способность видеть не только то, что открывалось перед глазами, а и то, куда не дотягивался взглядом. Там, за звездами, лежала широкая белая долина, никем не занятая, едва ли не мертвая. Меня тянуло туда, хотелось превратиться в птицу, чтоб оказаться в этой долине. В какой-то момент почудилось, я добился своего и теперь нахожусь в ней. Только вот напасть... Долину вдруг обволокла густая тьма. И я испугался: а ежели не удастся вернуться обратно на землю?.. И тут случилось то, что, пожалуй, и должно было случиться. Тьма отпустила-таки меня, и я опять оказался на перевале.

Он пытливо посмотрел на меня. Я, не впервой загнанный им в тупик, не знал, что ответить. А чуть погода почувствовал на сердце смуту, словно бы и сам нечаянно очутился в холодном белом пространстве, и ощутил свое одиночество.

Я еще какое-то время пребывал в незнакомом мире, когда же вернулся, не увидел Иваныча. Судя по всему, он запомнил про меня и ушел... Я не задержался в комнате. Выйдя на низенькое подгнившее крыльцо, углядел на зверьей тропе, петляющей меж деревьев, Иваныча. Он шел, чуть сутулясь и широко размахивая руками, как если бы подсоблял себе, к тому месту, где обычно проводил время, коль скоро на сердце наваливалось томление. А томление угнетало его часто, и не всегда было понятно, откуда взялось?.. Впрочем, многое в Иваныче было непонятно.

Я думаю, это хорошо. В миру должно быть всего помаленьку, но лучше того, что отличало бы одного человека от другого. И не только внешне, а и духом, ни с чем другим не сходным. Ведь не бараны же мы... Иваныч понимал это, почему иной раз из одного упрямства, чтоб только досадить тем, кто насмехался над ним, просиживал ночь на перевале. Он дожидался первых утренних лучей и, купаясь в них, обильно осыпавших землю, отогревался после ночи. И не спешил под тесовую крышу, долго стоял на перевале, жмурясь и улыбаясь чему-то. Сам сказывал, что ему страсть как нравились эти утренние минуты, чувствовал себя сильным и надежно слепленным, кому еще долго не будет износа.

Однажды рядом с ним оказался раненный в бок шальной неприцельной пулей, с побитой на боках шерстью, старый изюбрь. Он шел с Байкала, в водах которого промыл свои раны, по узкой зверьей тропе, медленно подымаясь на голец, где теперь паслись его сородичи. При встрече с Иванычем матерый зверь, вместо того чтобы кинуться в розоволикие кусты черемухи, росшие рядом с тропой, остановился и со спокойным вниманием в

маленьких зорких глазах, как бы остуженных нелегкой таежной жизнью, посмотрел на Иваныча, не испытывая опаски, как если бы понимал во встреченном человеке, что тот никогда не брал в руки ружья, хотя прожил много лет на скалистом берегу Байкала. Чуть погода изюбрь вплотную приблизился к нему и лизнул протянутую руку, а уж потом неспешно сошел с тропы, пропуская человека и все так же с вниманием глядя на него.

— Я думаю, он хотел сказать, как шибко больно ему, — устало обронил Иваныч. — В глазах у зверя я приметил тоску, и в груди у меня сжало, стало трудно дышать. Отчего-то подумал: вот упаду бездыханный на землю, и рядом со мной примостится старый изюбрь. Так мы и будем лежать мертвые, чуждые друг другу, а вместе — близкие по духу... А потом придут охотники и закопают одного на старом поселском кладбище, а другого — в лесу, в спешно отрытой яме. И ничего не поменяется на земле... — он вздохнул. — А ведь и мы наверняка были надобны кому-то... Хотя бы тем же деревьям, в распадке у ручья. Я не раз видел: деревья приободрялись, когда возле них появлялся изюбрь, в зеленых кронах ощущался радостный трепет... Да уж, минет время, и не станет человека и зверя. И память о них будет стерта. На их место подгребут другие, сходные с ними. А деревья все так же будут шуметь приветливо... И ладно, думаю. И хорошо. Чего уж тут!

— Ты прав, — подхватил я, пожалуй, с излишней горячностью.

Все, о чем говорил Иваныч, давно бродило во мне, случалось, уведило от ближних весей, и я подолгу пребывал невесть в каком мире.

— Я тоже не раз замечал, как деревья оживлялись, когда старый человек или зверь спускались к серебряной воде. Думаю, в природе все просчитано, и не надо разделять то, что мы нынче представляем из себя, и то, что станет с нами, когда окажемся в другом мире. Смерть — это не провал в пустоту, а уход в другое состояние, никому не ясное, но постоянно пребывающее возле нас.

Иваныч с интересом посмотрел на меня, а потом сказал, чуть прищутив глаза:

— То ж самое я слышал в монастыре от одного старого монаха.

— Вот как?..

Я вспомнил: Иваныч после смерти жены душевно мучался, не хотел никого видеть, тогда и ушел из поселья. Никто не знал — куда? И где искать его?.. Но однажды пронесся слух, что он обрел пристанище в ближайшем от поселья монастыре. Нет, он не принял монашеский сан, просто стал подсоблять святым отцам по хозяйству. Но тут он не преуспел, зато принят был святым старцем, жившим при монастыре, и много чего перенял от него. И когда вернулся в родное поселье, я не сразу узнал в нем прежнего Иваныча. Он сделался мягче и добрее, жесткость в характере, а она иной раз выплескивалась им бестолково и суетно, исчезла. И речь стала напевней, звучней. Он уже реже заглатывал окончания слов, торопясь сказать о чем-либо, и понимал жизнь не как бурный, все на своем пути сминающий, горный поток, но как плавное течение великой реки, не стараясь дознаться, где она начинается и где ее завершение. Он наблюдал в ней что-то другое, никем не разгаданное. Я думаю, человеку приятней приближаться к неразгаданному — без желания осознать его смысл. Если бы, не приведи Бог, все для него стало ясно, то и сделалось бы уже через короткое время скучно жить на земле. И он наверняка сказал бы тогда: «Да пропади она пропадом, такая жизнь!..» Что-то подобное, думаю, происходило с Иванычем после смерти дорогого человека. В те поры он не только утратил в себе от упрямства, во многом составляющего его суть, а и начал задумываться о том, почему его дом посетила беда. Не сказать, чтобы жена болела, хотя в последние свои дни сделалась грустной и все удивляющейся тому, как легко, без оглядки, разбрызгивает тепло весеннее солнце, слабое, неокрепшее после зимнего стояния. А то вдруг, оказавшись на тропе, простеженной к ручью, с пустым ведром, прислонялась к малой березке и долго стояла, обхватив пятнистый ствол тонкими руками, и что-то тихонько сказывала. Однажды Иваныч вознамерился узнать, о чем она сказывала, и, крадучись, приблизился к ней. Но из этого ничего не вышло. Она догадалась, что он рядом с нею, и рассмеялась негромко, обернувшись к нему иссиня-бледным лицом:

— Ну, совсем как малое дите. Все играл бы...

Иваныч говорил потом, что сделалось ему тогда неловко, совестно. Ему и теперь совестно, и печаль гнетет: не обнял жену, не успокоил, не попытался отвести от напасти, что уже протягивала к ней, слабой, холодные руки. Впрочем, он ничем не смог бы помочь ей...

Мы сидели с Иванычем в его доме на широкой лавчонке, обшитой ладно выструганными тесовыми досками, за низеньким, с фигурными ножками, квадратным столом и отхлебывали из деревянных кружек густо заваренный зеленый чай с молоком. Изредка брали из тарелки ломтовок черного хлеба. В окно лился бледно-розовый солнечный свет, срывался с узкого синего подоконника, запрыгивал на краешек стола, но долго там не задерживался, пропадал, когда я протягивал к нему руку. Он был настырен, малый сколок от солнечного света, но и я не хотел уступать. И все норовил прижать его ладонью к полированной поверхности стола.

Иваныч заметил мою игру со светом, добродушно хмыкнул:

— Фу, точно малое дите!

Он сказал то, что не однажды слышал от своей жены, и в его длинном загорелом лице обозначилась полоска света, она прочертила лоб, да так и осталась на нем. Она не исчезла и тогда, когда за окошком потемнело, а потом полил дождь, и крупные белые капли застучали по стеклу. Иваныч вскинул голову, минуту-другую следил за тем, как дождевые капли, свертываясь, скатывались по стеклу, поднялся из-за стола и вышел на крыльцо. Скоро и я